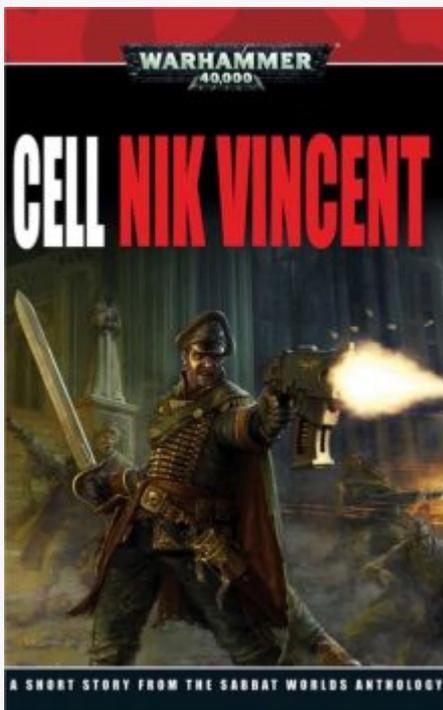

Ячейка / Cell (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Ячейка / Cell (рассказ)

Автор	Ник Винсент / Nik Vincent
Переводчик	Akmir
Издательство	Black Library
Серия книг	Призраки Гаунта / Gaunt`s Ghosts
Входит в сборник	Миры Саббат / Sabbath Worlds
Год издания	2010
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Молиться где-либо на Рередосе было небезопасно.

Помещение было темным и тесным, мокрый земляной пол под ногами айтани Пардью пахнул чем-то таким, о чем священник предпочитал не думать. Его башмаки прохудились, и ноги изо всех сил старались избежать мерзкой жижи, протекавшей сквозь старую кожу. Он пытался – возможно, даже

слишком – сосредоточиться на молитве, наполнить голос убежденностью, которую и сам не всегда чувствовал, но беспокойство было сильнее.

Число прихожан Пардю, казалось, никогда не менялось. Здесь хватало места для полдюжины человек, и полдюжины всегда присутствовало на его службах. Менялись лица – в зависимости от того, кто был послан на какое задание, и кто был еще жив, а кто нет. Война принесла перемены, и когда война закончилась и началась оккупация, это тоже многое изменило. Участники сопротивления были наиболее благочестивыми и отчаянно храбрыми людьми; им нужны были священники и безопасные места, где они могли бы обмениваться информацией и ресурсами. Здесь было и то и другое.

Его окружали люди, более длинные и худые, чем сумеречные тени. От них тоже исходило зловоние. Они пришли с агрогалерей, усталые и голодные, но, по крайней мере, они могли не беспокоиться о своих ногах. Священник отнюдь не завидовал болям в их костях от согнутых спин и плеч – им приходилось сгибаться, чтобы пройти в помещения, где он мог стоять во весь рост – но он завидовал их протезам, их длинным телескопическим голням и похожим на лопаты ступням, позволявшим им не проваливаться в грязь по лодыжку.

- Император хранит, – произнес он, задумавшись, верит ли он в это сам.

- Император хранит.

Слова едва успели второй раз сойти с его уст, когда Пардю услышал, как кто-то с глухим стуком рухнул на пол. Упал человек, стоявший позади Пардю. Священник не знал его имени. Здесь больше не было имен, не было разговоров, не было даже слухов. Три года – долгий срок, чтобы выучить этот урок, но теперь никто не болтал, не делился слухами, не строил предположений. Все, что должно быть сделано – выполнялось молча. Его работа выполнялась лишь в тех местах, которые были ему указаны, с теми людьми, которые приходили к нему за укреплением сил и утешением; они приходили к нему потому, что, вопреки всему, верили – Император хранит.

Он был агентом Бога-Императора и Его возлюбленной Блаженной, он был катализатором движения сопротивления на Рередосе.

Оставив молитвенник, священник обернулся, увидев, как зловонный воздух закружился над рухнувшей фигурой. Айтани склонился над телом, молитвенник, висевший на цепи на его шее, стукнул по груди, и, отскочив, едва не ударил умирающего в лоб. С хрипом вздохнув, упавший человек поднял руку. Пардю сунул молитвенник в руки одному из рабочих и протянул чистую руку, чтобы сорвать с задыхающегося грудной фильтр.

Пардю пришлось дважды с силой ударить по фильтру, прежде чем он смог повернуть и снять его крышку с груди человека. Фильтр был забит зернистой фиолетовой массой спор, смешанных со слизью, от которой сельскохозяйственные рабочие так страдали, что в питейных заведениях, окружавших агрогалереи, где жили и работали эти люди, в качестве плевательниц использовались керамитовые ведра. Пардю видел, что эта дрянь способна изъязвить даже рокритовый пол и проесть любой материал, кроме самых непроницаемых.

Паства разошлась, пока Пардю пытался спасти одного-единственного человека в целом мире, пожираемом беспощадными оккупантами и задыхающемся от мерзкой слизи.

Священник-айтани протолкнул два пальца в дыру в груди человека, словно ребенок в банку с ореховым маслом, и, обводя ими по краю фильтра, выгреб отвратительную грязь, не позволявшую человеку

дышать.

Сколько раз он делал это раньше? Десятки раз, не меньше, может быть, даже сотни. И сколько людей он спас?

Грязи было слишком много. Почему он не чистил свой фильтр? Должно быть, он не чистил его несколько дней. Или он хотел умереть?

Пардю уложил человека на спину. Он не хотел оставлять его лежать в холодной жидкой грязи, но выбора не было. Он оседлал тело, расположив колени по обе стороны от фильтра, и снова запустил пальцы в грудную полость. Сдавлив тело коленями, он выдавил из фильтра еще порцию грязи и, собрав ее, бросил на пол, прежде чем начать вычищать следующую. Казалось, тело дышит, но это лишь действия Пардю, сдавливавшего ногами его грудь, вызывали булькающий хрип, ясно слышимый в горле трупа. Он был уже трупом. Его лицо стало серым, губы посинели. Глаза, безучастно смотревшие в никуда, вылезли из орбит, словно его душили удавкой. Это медленное удушение было хуже, чем удавка. Оно было хуже, чем что угодно.

- Святая... - начал Пардю, еще раз сдавив коленями грудь мертвеца. Почувствовав, как треснуло ребро, священник прекратил свои усилия, рухнув коленями в холодную грязь пола, ужаснувшись собственных попыток оживить мертвого.

Он вытер лоб тыльной стороной руки и опустил голову на грудь.

Он чувствовал, как зернистая слизь растекается под его коленями и заливает ноги. Здесь ему больше нечего было делать. Паства покинула его; он был один. Время, казалось, замерло, когда он склонился над телом еще на несколько минут. Его взгляд опустился на пол, скользкий от фиолетовой слизи, растекавшейся и впитывавшейся в землю вокруг мертвого тела, пузырившейся и разъедавшей истоптанный земляной пол. Ткань его брюк слегка обуглилась, и он оторвал разъеденные лохмотья, зная, что одежду невозможно будет починить.

Он заметил в фиолетовой слизи очертания каких-то твердых предметов, которых не должно было там быть. Пошарив пальцами в разлившейся слизи, он начал доставать из нее крошечные кусочки керамики, осколки, отбитые Император знает от чего. Они были очень мелкие и неровной формы; это явно была импровизация.

Пардю не видел таких раньше, но он понял, что это. Смерть этого человека не была бесполезной тратой жизни. У нее была цель. Этот человек пожертвовал собой, отдав жизнь на службе Богу-Императору, чтобы доставить информацию на керамитовых осколках в одну из многих законспирированных ячеек сопротивления в улье.

Пардю снял с пояса плоскую узкую фляжку и вылил немного ее содержимого в лужу слизи, но вода никак не подействовала. Подняв фляжку к губам, он прополоскал рот оставшейся водой, омывая ею язык и зубы, потом прополоскал горло и снова рот. Когда он решил, что этого достаточно, то выплюнул смесь воды и слюны в слизь и перемешал вспенившуюся массу пальцами, на которых уже не было верхнего слоя кожи, не говоря об отпечатках. У него была лишь одна пара перчаток, и он был скорее готов рискнуть своей кожей, чем их потерей.

Через несколько минут Пардю прекратил поиски и посмотрел на полдюжины неровных осколков, разложенных на пальце.

Пора было уходить. Внезапно Пардю понял, что это место больше не безопасно. Он был здесь слишком

долго, и не сможет использовать это помещение снова. Страхнув осколки с пальца во все еще открытую фляжку для воды, он натянул перчатки. Правая перчатка окажется безнадежно испорчена к тому моменту, как ему можно будет снова их снять, но мыть руки не было времени. Он чувствовал, как горят пальцы, как жгучая слизь разъедает его плоть.

Пардью вставил крышку фильтра обратно в грудь мертвецу и перевернул труп на бок, чтобы скрыть следы в слизи; вражеские солдаты-идиоты не догадаются заглянуть под труп.

Он не стал дожидаться появления экскубиторов с их узкими плечами, раздутыми животами и гротескными масками. Это были серокожие монстры со шлангами и разъемами, вживленными в бледную плоть, их резкие голоса раздавались из решеток респираторов вместе с булькающим хрипом и большим количеством все той же фиолетовой слизи.

Изобилие света снаружи на улице говорило Пардью обо всем. Не нужно было поднимать взгляд, чтобы понять, что где-то поблизости парит глиф, в шести или восьми метрах над землей. Его ярко сияющие руны кружились и пульсировали в воздухе, готовые пронзить разум любого несчастного, имевшего глупость посмотреть на них. Глифы летали над населенными регионами планеты, в поисках тех, у кого не было «разрешения», кто не носил на руках имаго или чьи имаго исчерпали срок действия. Они изменяли сам воздух своим эфирным светом и шумом, похожим на жужжание насекомых. Когда они обнаруживали какого-нибудь несчастного нарушителя, этот шум переходил в пронзительный вой. Пардью ощутил резкий острый запах аккумуляторной кислоты, который издавали глифы, прислушавшись, понял, что непрерывное гудение глифа было спокойным, и пошел в противоположном направлении.

Он не видел мальчика - единственный его контакт с активной ячейкой; Пардью не смотрел на него. Выучить этот урок было нелегко, но кто-то, следивший за ним, мог заметить обмен взглядами между ними, и тогда оба они попали бы в беду. Но Пардью знал, что мальчик здесь; мальчик всегда был здесь, ожидая следующего фрагмента головоломки, следующего сообщения, следующего приказа. Никто не знал, кто отдавал приказы. Пардью не знал имени ни одного из мальчиков, и, насколько ему было известно, они тоже не знали его имени. Он даже не знал, возможно, они все в ячейке были мальчиками. Он не знал, сколько еще священников-айятани участвует в сопротивлении. Он не знал, сколько еще ячеек в этом улье, в этих агро-галереях, на этом континенте, на планете. Были когда-то люди, знавшие такие подробности, но они все пропали, а те, кто остался, извлекли из этого урок.

Пардью скрылся. Он все время скрывался. Фактически все население планеты теперь скрывалось. Были слухи о боевых партизанских отрядах в одном или двух крупных ульях, но теперь очень мало достоверной информации могло поступать из одного места в другое; все каналы связи находились под контролем оккупантов, хотя их защита не была непреступной, и утечки информации использовались при любой возможности.

Связь была необходима для нормальной работы огромных агрогалерей на бескрайних равнинах Рередоса, земли которых использовались, чтобы выращивать продовольствие для оккупационных войск и на экспорт. Они кормили врага зловонной фиолетовой кашей из быстрорастущих мясистых стручков, которые начинали гнить, едва поспев, рассыпая споры, убивавших рабочих, которые ухаживали за растениями. А когда-то они выращивали лучшие зерновые культуры в галактике. Их не портили гибридизацией, не тормозили искусственно рост, не модифицировали генетически ради более высоких урожаев и практически не повышали их устойчивость к заболеваниям. Восемьдесят процентов продукции шло на продовольствие для армий Императора, но остальное, отборные двадцать процентов, тысячи лет служили сырьем для производства лучших сортов пива в Империи.

Грудные фильтры защищали от пыли с тонких как бумага цветов лучших пород хмеля, росших в галереях, и не позволяли рабочим дышать на бесценные растения. Лучшие из рабочих награждались аугметикой, повышавшей их ловкость и позволявшей лучше выполнять нормы. Они могли не только ухаживать за самыми высокими и хрупкими частями растений, но их телескопические голени могли быть вытянуты так, что рабочие были способны проходить пешком большие расстояния в самых дальних туннелях без необходимости использовать машины, загрязняющие атмосферу.

Огромные сводчатые галереи тянулись по равнинам Рередоса, когда-то чистые, белые и сияющие; теперь две трети из них стали серыми и закопченными, сквозь их заляпанные фиолетовой слизью крыши проникало мало света, и зараза распространялась дальше. Растения хмеля давно погибли, выкорчеванные или сожженные охранниками, патрулировавшими агрокомплексы; рабочие продолжали трудиться, тонкие, хрупкие по сравнению с бледными угловатыми монстрами, охранявшими их, едва похожими на людей.

- Все? - спросил старик, сгорбившийся над стаканом чего-то, налитого из бочки, в которой когда-то - давно - вероятно, было пиво.

Женщина, стоявшая с другой стороны стойки, не взглянула на него; она еще раз вытерла полотенцем мутный стакан и поставила на полку.

- Нет, - сказала она.

- Осколки? - спросил старик, поднеся ко рту стакан, чтобы замаскировать произнесенное слово.

- Прошли, - сказала женщина.

- Мальчишка? - Старик поставил стакан на стойку.

- Нет. - Женщина направилась вдоль стойки к другому клиенту.

Они должны были вынести эти проклятые штуки из галерей. Большая часть туннелей была расчищена для посадки других растений, и только Император знает, какой вред эти новые растения могли им причинить. Они могли обуглиться, или споры могли вызвать коррозию, а если нет, то побочные эффекты множества смертей среди рабочих и слизь, которую выжившие каждый день вытряхивали из своих фильтров, могли причинить не меньше вреда. Они были самым важным ресурсом подпольщиков, ключом к тому, чтобы призвать Империум на спасение планеты.

Их нельзя было оставлять здесь, но вынести их оказалось долгим и трудным делом. Одна лишь первая часть работы - изготовить осколки и передать их священнику - уже дорого стоила подпольщикам, а время и ресурсы были уже на исходе.

Он не мог спросить, почему священник не передал осколки мальчику, или что священник собирался делать с ними. Он был сменин в два часа и не узнал даже имени священника, ничего о нем. Он вернется в ячейку ни с чем. Он часто и раньше возвращался ни с чем. Но раньше не было ничего настолько критически важного; ничего, что могло бы означать спасение целой планеты.

Лазган грохнул, дернувшись в руках Бедло, хотя должен был при выстреле издавать лишь треск и оставаться неподвижным. Бедло и его товарищи-подпольщики прятались в этом здании два дня,

скрываясь от экскубиторов и глифов, пытаюсь превратить свою ячейку в эффективный партизанский отряд. Как известно, тренировка ведет к совершенству.

Бедло давал советы и инструкции, его голос громко – слишком громко – звучал между выстрелами. Было бы лучше давать сигналы жестами, если бы новички могли их выучить, но сейчас приоритетом было изучение оружия.

Гаков лазган был дефектным. Он скорее убьет стрелка, чем врага. Бедло снял ремень лазгана, перекинув его через голову, и с отвращением отбросил оружие.

- Все, - крикнул он. – На инструктаж.

Веско взяла на плечо длинноствольный лазган и вышла. Она была в ячейке достаточно долго, и знала, что будет сказано на инструктаже. Они с Маллетом по очереди патрулировали периметр их «учебной базы», охраняя детей, пока те учатся быть партизанами. Сейчас была ее очередь.

Маллет подобрал неисправный лазган Бедло и начал разбирать его. Он говорил очень мало, но знал и любил оружие почти до помешательства. Для него война была лучше мира, а оккупация – еще лучше.

Бедло попал в эту ячейку почти случайно, когда его прежняя ячейка – третья по счету – почти вся погибла в перестрелке: глупая ошибка, случившаяся из-за того, что один из его товарищей-подпольщиков наткнулся на противника во время обычного обхода квартала улья. В произошедшей перестрелке погибло несколько вражеских патрульных под командованием старшего экскубитора, и противник в ответ со смертоносной эффективностью использовал гранатометы. Все обветшавшее здание обрушилось, и когда экскубитор пересчитал трупы и обнаружил, что Бедло и еще один или два подпольщика сбежали, он спустил пса.

Кто бы ни был этот вражеский мясник – а были слухи, что у него прямая связь с самим Архонтом – он действовал старательно. До сих пор не существовало надежного способа убить *провока*, не слишком велика была и вероятность успешно скрыться от него. Так что для Бедло это была уже четвертая ячейка, и первая, в которой он стал командиром. Он был с ними лишь несколько недель, когда и эта ячейка едва не была уничтожена. Он обошел двоих, став лидером ячейки, и сразу же начал вербовать новых подпольщиков. Бедло не знал, сколько времени был в ячейке Маллет, но Маллет казался просто неубиваемым. Он был прирожденным бойцом, но ему не хватало коммуникативных способностей, чтобы быть эффективным лидером. Веско тоже была отличным бойцом, и явно ветераном подполья, но и она устранилась от командования, и, казалось, была довольна, что Бедло взял руководство ячейкой на себя.

Когда подпольщики собрались в одном углу комнаты, стоя или сидя спиной к изрытым выбоинам, обгоревшим пластбетонным стенам, лицом к входу, откуда мог появиться предполагаемый противник, если бы он проник сюда, Маллет бросил лазган в руки Бедло. Командир поймал оружие правой рукой, и, взяв за цевье, подбросил, проверяя баланс. Баланс стал лучше, и лазган больше не издавал подозрительных звуков. Бедло повернулся и выстрелил. Звук выстрела получился больше похожим на треск – но еще недостаточно.

Бедло швырнул лазган обратно Маллету.

- Если это лучшее, что ты можешь сделать, нам придется искать более надежное оружие, - сказал он.

Маллет, присев на корточки, снова начал разбирать лазган. Мальчик, оказавшийся ближе всех к нему, Тильсон, отодвинулся подальше. Это движение не ускользнуло от взгляда Бедло. Доверие было не просто редкостью, оно было чем-то несуществующим.

Маллет не слушал, когда Бедло для проформы продолжал:

- Приказ, - сказал он, подняв указательный палец. Двое новых мальчиков внимательно наблюдали. -
Рассредоточиться. - Два пальца вместе, жест, каким ребенок мог изобразить пистолет. - Атаковать. -
Движение прямой рукой вперед.

Инструкции были несложными, но новички всегда оказывались обузой, были они молодыми и старательными, или молодыми и напуганными - они всегда были молодыми.

Проверка периметра занимала у Веско лишь пару минут. Была лишь одна точка входа/выхода в паре сотен метров от помещения, где обучали новичков, и пара коридоров, оканчивавшихся тупиками слева и справа. Веско, привыкнув, хорошо ориентировалась в темноте, и не стала включать фонарь, который несла на ремне. Но очень скоро она пожалела, что не включила его.

Веско проверила вход, выглянув влево и вправо, держа длинноствольный лазган наизготовку. Ничего. Она повернулась, прижавшись спиной к стене слева, первый коридор-тупик начинался в двадцати метрах справа. И вдруг она увидела... узкий мерцающий луч тусклого света. Ее руки сильнее сжали лазган, зрачки расширились, когда в коридоре снова стало темно. Возможно, это просто случайно мигнул светильник, но здание уже несколько лет было заброшено, с тех пор, как сильно пострадало от огня во время войны, и Веско это казалось маловероятным.

- *Вои шет...* - услышала она оборвавшийся окрик, за которым раздались шаркающие шаги. В здании кто-то еще. Ее ячейка была здесь не одна.

Веско выдохнула, осознав, что затаила дыхание, и скользнула в правый коридор - свет шел, казалось, из тупика левого. Она знала, что коридор тянулся не более чем на десять метров и прерывался непроходимым барьером из обломков, оставшихся от того крыла старого здания. Если придется вступить в бой, надо действовать быстро и оперативно. Враг здесь, прямо рядом с ячейкой; их разделяют лишь несколько метров и разрушенный пластбетон. Спустя долю секунды Веско нацелила свой лазган в темную пасть коридора.

Маллет поднял лазган Бедло, проверив вес оружия, и тронул пальцем прицел.

Они все слышали шум за стеной. Тильсон вздрогнул от звука вражеского языка, услышав окрик и шарканье шагов неуклюжих тел. Маллет понял, что противник больше не был предполагаемым. Он ничего не сказал, лишь привстал на колено и повернулся к входу, еще до того, как раздались выстрелы и задолго до того, как мальчишки наконец поняли, что их атакует противник.

В руках у него был лазган Бедло, и Маллет выстрелил из него.

Щелк!

Даже разобрав и собрав лазган несколько раз, Маллет не доверял ему, и, продолжая неприцельно стрелять из лазгана, держа его в правой руке, левой он потянулся к пистолету на бедре. Прежде чем Бедло повернулся, чтобы найти оружие или отдать приказ, Маллет уже выпустил целую очередь неприцельных выстрелов.

Бедло бросился на пол, стараясь выиграть время, которого у него не было.

Тильсон, сидевший рядом, смотрел на него широко раскрытыми глазами, в его горле зияла дыра. Долю

секунды Бедло прислушивался к странному неровному звуку выстрелов своего изношенного второсортного лазгана. Маллет прикрывал их, отлично справляясь со своей задачей. Подняв взгляд, Бедло увидел другого мальчика, Шуи. Парнишка спрятался за спиной Маллета, опираясь на плечо стоявшего несокрушимо, как скала, наемника, чтобы лучше целиться. Они стояли, словно некое двухголовое существо, стреляя из трех стволов по врагу, которого Бедло еще даже не видел.

Бедло перекатился на спину и схватил импровизированный огнемёт, который был предназначен для Тильсона. Еще раз перекатившись и повернувшись, лежа на животе, он выстрелил шипевшей огнесмесью, которая начинала существование как прометий, но была использована, отфильтрована, охлаждена и снова очищена, в результате чего получилось низкокачественное топливо для вторичного использования. Оно снова было использовано, отфильтровано, смешано с биотопливом, перегнаным из отходов пивоварения и переделано в некое жалкое подобие «бытового жидкого топлива». Бедло не слишком на него надеялся.

Огнемёт изверг струю зеленоватой мутной жидкости, которая не загорелась. Бедло включил зажигательное устройство, но оно не было синхронизировано с подачей огнесмеси и лишь бесполезно щелкнуло.

На секунду Бедло прислушался к выстрелам. Он слышал выстрелы пистолета Маллета и характерный звук своего старого лазгана, и мог различить более медленный, но ровный огонь оружия Шуи, лазгана гвардейского образца, когда-то принадлежавшего дяде или кому-то еще из его родственников; принесенный с давно проигранной войны, в которой они все еще сражались, этот лазган послужил мальчишке пропуском в их ячейку. Других выстрелов не было слышно.

За ту секунду, пока Бедло оценивал ситуацию и опасность, в которой они оказались, Маллет, изменив прицел точно на шестьдесят два градуса, поджег жалкую импровизированную «огнесмесь» выстрелом из дефектного лазгана.

Бедло вскочил, быстрее, чем он предполагал возможным, и почувствовал себя идиотом, когда подожженная жидкость загорелась слабым желтоватым пламенем, выпустив струйку коптящего дыма. В лучшем случае оно могло оставить подпалины на полу, если бы горело достаточно долго, но не более того. В любом случае, это было бесполезно. Бой уже закончился, и «огнемёт» не сыграл в нем роли.

Бедло поднял перед собой сжатый кулак: сигнал прекратить огонь.

Маллет и Шуи держали оружие наизготовку, но больше не стреляли, и в темном помещении стало тихо. Кто бы ни начал эту перестрелку, она прекратилась, едва Маллет успел в нее вступить.

Маллет оглянулся на Бедло.

- Босс?

- Где Веско? - спросил Бедло.

- Баба? - спросил Шуи.

- Баба, - ответил Бедло, шагнув за порог, чтобы увидеть результаты боя.

Он вернулся секунду спустя, неся в одной руке длиннотвольный лазган, принадлежавший Веско, вероятно, самому полезному бойцу их ячейки. Он никогда не назвал бы ее «бабой» в лицо, но она действительно была смертельно опасной бабой, с большим боевым опытом, чем у них всех вместе.

взятых, кроме, пожалуй, Маллета. В другой руке Бедло нес автопистолет экскубитора, которого Веско застрелила сразу после того, как он всадил пулю в горло Тильсону.

Бедло и Маллет осмотрели место боя. Веско погибла, защищая их, но успела убить как минимум одного из трех вражеских патрульных. Их трупы лежали перед входом в «учебную комнату» и на выходе из коридора-тупика. Все тела были изрешечены попаданиями, и невозможно было определить, чьи выстрелы их убили, но это было и неважно. Кровавый след вел наружу, к выходу – ясно, что как минимум один патрульный успел сбежать, будучи ранен.

Бедло указал на темные пятна крови.

- Она ликвидировала непосредственную угрозу, - сказал он. - Но, должно быть, у него были приятели.

- Почему она просто ... - начал Шуи.

- Что «просто»? - спросил Бедло. - Что бы ты сделал, связавшись с психопатом и парой мальчишек?

- А ты... босс? - вызывающе спросил Шуи.

Вдруг они услышали приближавшиеся тяжелые шаги, возможно, в паре сотен метров отсюда. Бедло жестом указал назад, и они вернулись в «учебную комнату». Повернувшись, Бедло поднял брезент, который занавешивал заднюю стену. Он уперся ботинком в пластбетон, и когда Шуи понял, что делает босс, то присоединился к нему. Два сильных пинка – и фальшивая стена рухнула, открыв подпольщикам путь через заброшенное здание и в сточные трубы. Где бы они ни проводили подготовку, они всегда устраивали запасной выход. Одно дело планировать засаду или нападение на определенную цель, но никто не хотел оказаться застигнутым врасплох на тренировке и без запасного пути к отступлению.

- Поднимай задницу, кретин! - заорал Бедло, забыв о сигналах жестами.

Маллет, охранявший вход, сделал несколько выстрелов в темный коридор, и, быстро повернувшись, последовал за Шуи и Бедло в пролом в стене.

Двое солдат оккупационных войск в плохо подобранном обмундировании и броне, собранной из разных комплектов, толкались и спотыкались о трупы экскубиторов, стремясь скорее добраться до подпольщиков, но опоздали. Они взглянули на мертвое тело Тильсона, сидевшего прямо, прислонившись к стене, повернулись и ушли, вероятно, удовлетворенные; выражения их лиц не было видно за масками.

Бедло, Маллет и Шуи разделились, чтобы собраться в другой раз; на двух бойцов меньше, но на два ствола больше. По-прежнему все шансы были против них.

- Логир, - произнес старик, узнав рабочего, который сидел, отвернувшись в другую сторону, и разбирал один из своих аугметических протезов – он отчаянно старался поддерживать их в чистоте.

- Озия, - сказал Логир.

Они знали друг друга всю жизнь Логира и полжизни Озии. Логир был сыном его друга и коллеги, давно покойного. Они понимали друг друга куда лучше, чем просто товарищи или союзники, и доверяли друг другу достаточно, чтобы, по крайней мере, использовать настоящие имена. Озия руководил подпольной ячейкой в агрокомплексе с тех пор, как возникла первая угроза атаки Великого Врага восемь лет назад; он контролировал питейное заведение и завербовал его хозяйку, чтобы она собирала для него

информацию.

Сельскохозяйственные рабочие не должны были сражаться на войне; это была работа СПО и пары полков Имперской Гвардии, прибывших сюда на отдых, но оказавшихся снова в зоне военных действий. Озия знал, что подкрепления непременно придут; когда Магистр Войны узнает о ценности того, что у них есть, когда он поймет, почему Рередос обязательно нужно защищать, он пришлет сюда войска.

- Осколки? - спросил Логир.

- У священника, - ответил Озия. - Он не передал их.

Логир повернулся к нему, и секунду два человека смотрели друг на друга, после чего Логир снова отвернулся.

- Мы не знаем почему, - сказал Озия. - Он не сразу ушел после того, как Кальвит передал осколки. Возможно, священник пытался оказать ему помощь.

- Император хранит, - произнес Логир, возвращаясь к ремонту гидравлики своей аугметической голени.
- Я пойду к нему, - добавил он через секунду. - Я прослежу, чтобы осколки были переданы в ячейку в улье.

Озия устало сгорбился на своем стуле.

- Я не могу тебя просить, - сказал он.

- Я пойду, - повторил Логир.

- Да, - сказал Озия.

Заметив взгляд женщины у стойки, Озия медленно допил свой стакан и вернул его хозяйке, не глядя на нее, и не поворачиваясь к Логиру.

Задача была выполнена.

Айтани Пардю не чувствовал себя спокойно на ничейной земле между ульем и агрогалереями, но он всегда оказывался там, когда подполье подвергалось наибольшему риску. Это укрытие было назначено Пардю два года назад, и священник пользовался им, когда в улье становилось слишком опасно. Оно было больше других помещений, которыми ему приходилось пользоваться, и являлось частью старого складского комплекса. Он знал, как были расположены помещения и коридоры здания, и что изменилось, когда здание было заброшено. Складской комплекс был одноэтажным и без окон, но потолок был высоким, и голос священника слегка отдавался эхом. Здание было ближе к галереям, чем к улью, но патрули и глифы были здесь менее многочисленны и появлялись реже, и мальчишки, передававшие информацию, подвергались меньшей опасности. Это не имело значения; он использовал самые безопасные места, которые можно было найти, и все так же читал свои проповеди.

И снова его паства насчитывала полдюжины человек, ни больше, ни меньше. На место умершего пришел другой человек, и самые активные участники сопротивления, или те, кто наиболее нуждался в его богослужениях, заняли свои места. Они собрались небольшой группой в дальнем конце помещения.

Пардю ощущал осколки в своей левой руке внутри перчатки. Правая перчатка превратилась в

лохмотья, на ней отсутствовали два пальца, и она уже мало на что годилась; она не могла сохранить руку в тепле и сухости, и прятать осколки в ней было небезопасно. Кожа на пальцах, сожженная фиолетовой слизью, заживала и была слишком розовой; Пардю старался закрыть ее как мог, старыми бинтами – использованными, выстиранными и использованными снова сотни раз, пожелтевшими и хрупкими, но это было лучше, чем альтернатива – и перчаткой, наполовину разъеденной слизью.

- Император хранит, - тихо произнес он, затаив дыхание. Он не хотел заканчивать молитву, зная, что будет после.

Человек, стоявший позади группы прихожан кашлянул – новичок в пастве. Никто не взглянул на него, но прихожане разошлись, не сказав ни слова, не задавая вопросов, никак не проявляя, что они знали о недавней смерти своего товарища, или о том, что на место умершего пришел другой. Они сделали то, что было необходимо сделать – установили контакт и передали информацию, все без шума и предельно осторожно. Пардю опустил голову, не желая встретиться с ними взглядом. Он смотрел на аугметические ноги рабочего, сияющие гидравлические механизмы которых были начищены с таким старанием, что выглядели как новые. С начала вторжения рабочим не делали новой аугметики, но не было похоже, что этой уже восемь лет.

- Осколки все еще у тебя? – спросил Логир.

- Я... – начал Пардю. – Человек умер, – сказал он наконец.

- Ты знаешь правила, – сказал Логир. – Мы передаем информацию тебе, ты передаешь ее мальчику...

- И его могут убить, – возразил Пардю. – Это неприемлемо, только не сейчас.

Логир отвернулся от священника и присел, достав из ножен, спрятанных в аугметической голени, стилет. С виду небрежным жестом он подал сигнал, надеясь, что священник поймет. Рабочий что-то услышал. Противник близко.

Пардю бросился налево, за спину Логира, нащупывая путь вдоль стены в самый темный закоулок длинного складского помещения, стараясь не поворачиваться спиной. Он присел на корточки в углу, когда почувствовал, как что-то коснулось его руки. Протянув руку, он взял маленькую холодную рукоятку пистолета, который передал ему Логир. Глаза Пардю привыкли к темноте, и он смог разглядеть Логира, поднявшего наизготовку лазган; стилет был примкнут к лазгану, как штык.

Священник посмотрел на пистолет в своей руке. Пистолет был маленьким, аккуратным и хорошо вычищенным – оборонительное оружие, полезное в ближнем бою.

Послышался глухой удар и гул горячей огнесмеси, помещение осветилось красно-оранжевым пламенем огнемета. Но Пардю все еще не видел врага. Он заметил, как Логир бросился к входу и выстрелил в узкий проем между поврежденными стенными панелями, где никогда не было двери. Какофония снаружи вдруг распалась в разуме Пардю на отдельные звуки, ясные и отчетливые: топот ботинок по земляному полу, щелчок спускового крючка, медленный выдох прицеливающегося стрелка, звук механизма подачи патронов уродливого автогана, хриплое неровное дыхание врага.

«Враг, – подумал Пардю. – Один враг».

Он сделал несколько неловких шагов, пригнувшись к земле, и положил руку на спину Логира.

Крак! Крак! Логир выстрелил в пролом еще два раза, с пластбетонных стен посыпалась древняя пыль, со

звучом, похожим на шум сыпавшегося песка.

Пардю протянул руку через плечо Логира, чтобы рабочий мог видеть его жесты не оборачиваясь. Священник указал одним пальцем на пролом в стене, и поднял этот палец вертикально перед грудью Логира. Между их позицией и позицией противника не было линии прямой видимости. Их было двое, а противник один.

Швуум! Комната снова осветилась огнем. Но пламя огнемета не подожгло ничего, а лишь опалило земляной пол. Частицы земли запеклись и раскалились докрасна, но Пардю и Логир были вне досягаемости, а больше гореть там было нечему.

Крак! Крак! - ответил огнем Логир.

Пардю досчитал до трех, поднялся в полный рост и бросился к правой стороне пролома, сжимая в обеих руках пистолет Логира. Логир последовал за ним и вырвался вперед, пока Пардю обстреливал пролом из пистолета, не пытаясь приблизиться к врагу.

Когда Логир шагнул в пролом и повернулся, то оказался лицом к лицу с противником - на расстоянии менее метра, глядя прямо в налитые кровью и заплывшие гноем глаза застигнутого врасплах врага. На лице этого не было маски. Он нес огнемет на спине, держа его ствол под мышкой, и пытался поднять для выстрела автоган. Его торс был голым, серая кожа скользкой от пота, множество язв и нарывов окружали разъемы, вживленные высоко по обеим сторонам груди. Логир смотрел на него лишь долю секунды. Он не стал стрелять.

Пардю слышал, как штык-стилет вошел в плоть врага, еще раз и еще раз. Он услышал сырой звук вскрытой брюшной полости и глухой стук падающего тела.

- Надо выбираться отсюда, - сказал Логир, шагнув в пролом.

Пардю без раздумий последовал за ним.

- Я могу тебе доверять? - спросил Пардю, когда они покинули тот район и укрылись в комнате в каком-то жилом здании; он не знал, где именно.

Логир рассмеялся.

- Мы давно забыли о доверии, священник, - сказал он. - Ты не знаешь моего имени, а я не знаю твоего, но у нас есть общее дело.

- Я не хочу передавать осколки мальчику, слишком большой риск, что его убьют, - сказал Пардю.

- Тогда ты должен быть готов доставить их сам, - ответил рабочий. - Будь я проклят, если возьму их у тебя после этой неудачи.

- Оккупанты повсюду, - произнес Пардю.

- Они повсюду там, где ты, - сказал Логир. - Ты не передал осколки из-за них, а этой ночью они опять знали, где ты. Я прекращаю операцию и лягу на дно. Откуда я могу знать, что они не следят за тобой? Откуда мне знать, что ты не предатель?

- Я сделаю это, - упрямо процедил священник сквозь зубы.

- Это не игра, - сказал Логир, вставая, чтобы взять тарелку у невысокой стройной женщины, работавшей у старинной печи в другом углу комнаты - слишком близко, чтобы не слышать разговор между ними.
- Ей можно доверять? - спросил Пардю, указав на женщину.
- Логир снова рассмеялся.
- Мы знаем, ты пытался привести его в сознание, - сказал он.
- Что за... - начал Пардю.
- Как я говорил, это не игра, - устало сказал Логир. - Ты слишком промедлил. За тобой следили, и теперь мальчик вышел из операции.
- Я доставлю осколки, - заявил Пардю.
- Это трудно, - сказал Логир. - И крайне, критически важно. То, что случится потом, может изменить все. Мне приказано говорить тебе лишь то, что тебе необходимо знать.
- Я не хочу знать, - ответил айтани. - Я хочу лишь внести свой вклад.
- Да, но тебе нужно это знать. Мы хорошо организованы, действуем эффективно и не теряем людей зря. Босс послал меня к тебе, потому что не было другого выбора. Нам нужны союзники в улье, вооруженные и готовые действовать, и нам нужно безопасное место, чтобы переправить...
- Переправить что? - спросил Пардю.
- Ты, наверное, слышал... мы еще можем выиграть эту войну. Мы лишь должны быть готовы, когда... - Логир не договорил.
- Магистр войны... - начал Пардю, но рабочий прервал его.
- Чем меньше ты знаешь, тем лучше для тебя. Но ты должен знать, что это крайне важно. Нам известно, что происходят утечки информации, что это работа предателя. Но мы не знаем, кто предатель.
- А осколки? - спросил священник.
- Указатели направления, - ответил Логир, - к тайнику. Нам нужно переправить оружие отсюда, в другую ячейку. Но они должны доказать, на что они способны, прежде чем мы начнем перевозку... Мы не сможем увезти его далеко.
- В одну из ячеек в улье? Туда мальчики доставляют информацию.
- На осколках координаты тайника, но им понадобятся все шесть. Мы планировали передать их по частям, но уже не можем...
- Не можете потерять еще одного человека, - закончил за него Пардю. - Как можно связаться с ячейкой в улье? Мальчик?
- Он не вернется в ячейку, пока ты не передашь ему осколки, а теперь это невозможно. Мне известно имя... один из ваших...
- Из моих? - удивился Пардю.

- Священник по имени Ревере.

Миниатюрная женщина в другом конце комнаты сидела тихо во время их разговора, но сейчас начала двигать сковородки и тарелки, производя слишком много шума.

- Ты должен идти, - сказал Логир, поняв этот сигнал.

Пардю не ответил, просто поднялся и повернулся, чтобы выйти в ту же дверь, в которую вошел. Логир сделал знак женщине, которая подняла ковер, висевший на стене рядом с печью и скрывавший запасной выход. Пардю перевел взгляд с женщины на Логира.

- Следуй прямо вперед пару сотен метров, а потом сверни в северный коридор и иди полкилометра; ты увидишь знак.

Пардю выскользнул из комнаты, не говоря ни слова.

Айятани Ревере стоял перед Бедло, Маллетом и Шуи, сжимая в руках молитвенник так, словно душил его. От пыла в его голосе глаза Шуи сияли.

- Император хранит милость Свою к тем, кто следует за Ним до самой смерти. Не бойтесь долга, не бойтесь невзгод, ни боли, ни страданий. Слава нашей соратнице и воистину соратнице Императора Веско, за жертву ее ради товарищей, ради Рередоса, ради Империиума.

На секунду наступила тишина, и Шуи не удержался от того, чтобы один раз хлопнуть в ладоши, пока не осознал, что, какой бы волнующей ни была речь священника, сейчас не время для аплодисментов.

- Если бы у нас было больше оружия, если бы наше оружие было лучше, Веско, возможно, не погибла бы, - сказал Бедло.

- Она погибла, чтобы спасти нас, - произнес Шуи.

- Воистину так, - ответил священник.

Маллет сидел на корточках, как всегда, спиной к стене, и опять разбирал лазган Бедло. Бедло посмотрел на него. Наемник продолжал свою работу, не обращая внимания на заупокойную службу айятани по Веско. Он не присоединился к ритуалу, даже не поднял взгляд. Слово Веско никогда не существовала, словно она ничего не значила для Маллета. Но для Бедло в этот момент она значила очень многое. Его отношения с Маллетом всегда были напряженными, но сейчас неприязнь достигла критической точки.

Бедло взмахнул кулаком, выбив лазган из рук Маллета. Маллет приставил нож к горлу командира, прежде чем кто-нибудь понял, что случилось.

- Спокойно, - произнес айятани.

Прошло несколько напряженных секунд, в течение которых священник оценивал ситуацию; одно неверное движение сейчас могло уничтожить ячейку и некоторых ее участников. Ревере знал, что Маллет был трудным человеком, а Бедло сейчас крайне взвинчен. Секунды шли, и Шуи многозначительно посмотрел на священника, словно спрашивая, что делать. В конце концов айятани перевел взгляд с Маллета на Бедло, подмигнул и громко рассмеялся; он смеялся долго, широко открыв

рот.

Маллет убрал нож, подобрал упавший лазган и вернулся к прежней работе. Шуи смотрел на Маллета, потом на священника, и, наконец, на Бедло, ожидая его реакции. Бедло поправил куртку, несколько успокоившись.

- Информация уже должна поступить, - сказал он. - Где мальчик?

- Он придет в нужное время, - ответил Ревере. - Ячейка в агрогалереях сильна и активна, но им нужна наша помощь. Они дадут вам то, чего вы хотите. Они поделятся оружием, но и вы должны будете доказать, на что способны. Будет больше рекрутов и больше оружия, можете на это рассчитывать.

Маллет, настраивавший прицел лазгана, поднял взгляд.

- И больше смертей, - сказал он.

- Если легенды говорят правду, - сказал Ревере, - Император спасет Рередос, и умирать будут только враги.

Пардью стоял на узком перекрестке под нависающим верхним этажом заброшенного мануфакториума, небольшой местной фабрики по производству одежды, и смотрел на жалкую питейную лавчонку, обслуживаемую одной из многих вдов, пытавшихся кое-как заработать на жизнь на окраине улья. На секунду в подвальном окне мигнул синий свет, почти незаметный снаружи, если бы не слабый отблеск от него на мокром тротуаре. Этот адрес был указан ему для встречи с айтани Ревере, но Пардью не чувствовал спокойствия. Он ощущал тревогу и неуверенность.

Ему казалось, что в этот раз пришлось избегать экскубиторов и глифов куда чаще, чем обычно, и Пардью подумал, что Логир, возможно, прав, и за ним следят. Глубоко вздохнув, он попытался найти в себе смелость пересечь улицу и подойти к указанному месту.

Пока он собирался с духом, ставни над его головой открылись и снова закрылись, и через секунду кто-то взял его под руку и повел к тому месту, куда он смотрел.

Пардью не смотрел на своего миниатюрного спутника, но понял, что это, наверное, женщина или, может быть, мальчик. Эта мысль ему не понравилась, ведь он пошел сюда сам, чтобы спасти мальчика. Он потер пальцами левой перчатки о ладонь, чтобы убедиться, что осколки на месте. Они были на месте.

Лишь в паре метров от двери лавки спутник Пардью притворился, что падает, и поставил священнику подножку, повалив на мостовую и его.

Пардью приготовился вскочить на ноги и защищаться.

- Не двигайся, - прошептал его спутник, склонившись над ним и притворяясь, что обыскивает. Пардью спрятал левую руку за спину и увидел, что смотрит в лицо мальчика примерно четырнадцати лет. Мальчишка сильно пнул его в живот и, завизжав, бросился бежать.

На мостовую позади Пардью пролилось еще немного света, когда открылась дверь лавки и на помощь священнику вышел высокий крепкий мужчина с хмурым лицом. Пардью продолжал притворяться, позволив ему помочь себе, хотя помощь не требовалась, и высокий человек поддерживал его, когда они оба вошли в питейное заведение. Должно быть, это и был его связной.

- У тебя информация? – спросил Ревере, склонившись над Пардью, словно чтобы осмотреть его раны, хотя никто в комнате не мог их видеть, кроме вдовы.

- Ревере? – спросил Пардью. – Айя...

- Император спаси нас, - прошипел Ревере, пристально глядя на младшего священника. – Никаких имен и никаких званий.

Пардью смотрел в глаза Ревере секунду или две, не вполне понимая, что он там видит, но, тем не менее, испытывая страх. Медленно, все еще глядя на старшего айятани, он снял перчатки и положил их на стул рядом с маленьким открытым очагом. Он протянул руки к очагу, чтобы почувствовать тепло желтого пламени.

- Я погреюсь немного, - сказал Пардью, - и пойду. Никому от этого хуже не станет.

Он больше не смотрел на Ревере, и через несколько минут, собравшись с духом, вышел из комнаты, оставив ее в том же виде, в каком вошел, только теперь его перчатки лежали на стуле. Ревере подобрал их и сунул в карман. Скатав с пола клеенчатый коврик, он поднял вделанную в пол ручку люка, ведущего в подвал.

- Священник? – спросил Озия буфетчицу, поднеся стакан к губам.

- Их двое, - ответила женщина.

Озия получил подтверждение, что осколки, наконец, достигли места назначения. Он поставил стакан на стойку и ушел.

Ревере не смотрел на осколки, он просто отдал их Бедло, втиснув их ему в руку.

- Делай что должен, с благословением Императора, - прошептал айятани.

- Император хранит, - сказал Бедло, глядя в глаза священнику.

Он подождал, пока старик благословил их всех и помолился над их оружием, прежде чем оставить их. Потом, пока Маллет разбирал лазганы и автопистолет, а остальные стояли на сторожевых постах, Бедло осмотрел керамитовые осколки. Их пришлось рассматривать в лупу, но вскоре Бедло смог разглядеть знаки на них - указания направлений по компасу на лицевой стороне и цифры, обозначающие градусы и минуты на обратной. По румбам компаса Бедло аккуратно расположил осколки в нужном порядке, начиная с севера, перевернул их и увидел направления.

Повернувшись к Маллету, он сказал.

- Дай мне карту. Должно быть, это не одно место.

Маллет снял с пояса палочку немногим больше карандаша, цилиндрическую, примерно полсантиметра в диаметре. На ней не было заметно никаких швов, но Маллет быстро разломил ее пополам и начал извлекать из нее что-то. Вскоре он вытряхнул из нее кусок шелка размером около сорока пяти квадратных сантиметров, покрытый множеством тонких линий и крошечными надписями, расчерченную на квадраты, со стрелкой, указывающей на север и координатами по краям.

Карта была ценнейшим ресурсом, ее рисовал вручную несколько лет и перерисовывал при любой

возможности один из подпольщиков, ныне покойный.

Маллет дунул на пол между собой и Бедло, подняв облачко тусклой пыли, и положил карту, повернув ее к командиру.

Бедло методично осмотрел карту, отметив пальцем их положение на данный момент. В другую руку он взял пустую палочку и, перепроверив координаты, отметил на карте еще два места, образовав между тремя точками неправильный треугольник. Потом он снова отметил первую точку, указав на их изначальное положение.

- Это меньше чем в километре отсюда, - сказал Шуи, заглянув через плечо Маллета.

Маллет взял карту и начал снова ее сворачивать.

- Наверное, в том месте тайник, - сказал Бедло. - Другие координаты - этот что-то еще.

- Даром ничего не бывает, - произнес Маллет.

Бедло поднял глаза и подозрительно посмотрел на него.

- Другие координаты - это место, на которое нужно совершить нападение, - сказал он. - Они хотят, чтобы мы отработали полученное, проявили себя.

- И? - спросил Шуи.

Бедло протянул руку в направлении Маллета.

- Дай это мне, - сказал он.

Маллет швырнул ему древний лазган, от которого так и не смог добиться правильного звука при выстреле. Секунду Бедло подержал его в руках. Потом он сжал ствол обеими руками и, размахнувшись, со всей силы ударил прикладом в комковатую рокритовую стену подвала. Разлетевшись о стену, лазган издал в точности тот треск, который должен был получаться при нажатии спускового крючка. Бедло разбил его с такой силой, что остаток ствола в его руках сильно погнулся и стал практически неузнаваем. Бедло бросил его на пол, но Маллет уже копался в обломках в поисках чего-нибудь полезного.

- Видеть больше не хочу этот кусок дерьма, - сказал Бедло. - Достаньте немного огнесмеси, и я покажу, как надо жечь.

Пардью смотрел на пять склоненных голов перед ним. Пятеро верных его прихожан стояли вокруг него полукругом. Лица их всех были ему знакомы, хотя и были скрыты густыми тенями от склоненных голов. Айятани не ожидал снова увидеть Логира, но Логир был здесь - шестой прихожанин - и смотрел прямо на него. Он не склонил голову в молитве Императору. Пардью задержал на нем пристальный взгляд, продолжая читать последнюю молитву, и Логир медленно опустил голову и закрыл глаза.

- Ты вернулся, - сказал Пардью, когда остальные ушли.

- Человек ищет утешения и укрепления силы там, где может, - не моргнув, ответил Логир.

Пардью хотел сказать что-то еще, но не мог придумать, что именно.

- Ты хотел узнать, доставил ли я осколки? – спросил он наконец.

- Нет, - ответил Логир. - Добрый вечер, айтани.

- Император хранит, - машинально произнес священник, и Логир проскользнул через низкую дверь в темную аллею на улице.

Пардью поспешно спрятал молитвенник под одежду, приготовившись последовать за рабочим. Он хотел посмотреть в лицо Логиру, но не знал почему. Впрочем, это не имело значения; он все равно опоздал. Когда Пардью вышел в аллею, там не было никого, даже мальчика.

Люди на Рередосе редко ходили группами. Группы местных жителей вызвали подозрение у солдат оккупационных войск и заставляли глифы нервничать. Допускалось ходить по двое, но лишь женщины и дети могли ходить по трое и больше, и то не всегда без помех.

Поэтому ячейка Бедло не могла идти к тайнику в полном составе, и Бедло приказал своим подпольщикам разделиться и следовать разными маршрутами.

Бедло хотел бы, чтобы старый айтани поддержал их, но не знал, придет Ревере или нет. Бедло не был его начальником, и знал, что если Ревере перед кем-то и отвечает, то лишь перед Императором. Поэтому Бедло мог лишь сообщить ему время и место нападения и ждать. Но Бедло был начальником Шуи, и приказал ему идти к месту сбора вместе с новым рекрутом Эйлли. Бедло знал, что Шуи сообразительный и ловкий парень, который без проблем смог бы завербоваться в Имперскую Гвардию, если бы война не отрезала Рередос от Империиума; но Бедло еще не доверял Эйлли, который лишь недавно присоединился к подпольщикам и мог оказаться обузой.

Бедло приходилось доверять Маллету, несмотря на напряженные отношения между ними. Выбора просто не было: наемник фактически сам себе закон. Он был непредсказуем, но когда доходило до боя, на него можно было положиться. Бедло иногда думал, не перейдет ли Маллет на сторону врага, если его перестанет устраивать нынешнее положение. Это бы его не удивило.

Бедло заметил Маллета на полпути по главной дороге, ведущей к агро-галереям; наемник шел на юг, направляясь прямо к указанному месту, почти под прямым углом к пути Бедло. Сам Бедло шел почти в точности с востока на запад, мальчишкам же он указал более длинный путь, в обход нижних западных кварталов улья, ведущий к северу от их места назначения.

Участники ячейки должны были встретиться у тайника и дальше идти вместе, но не такой группой, которую бы легко заметили вражеские охранники, патрулировавшие у окраин агро-галерей.

Бедло сейчас хотелось бы иметь аугметику. Он начинал чувствовать себя слишком заметным среди рабочих, которые жили, ели и спали в этих кварталах. Но его снаряжение выглядело достаточно убедительно, и он приспособил старую крышку фильтра, чтобы было похоже, будто фильтр прикреплен к его груди. На первый взгляд его можно было принять за сельскохозяйственного рабочего, хотя более подробный осмотр выдал бы его. В стандартном снаряжении рабочего был замаскирован огнемет, который Маллет вычистил и приготовил к бою. Бедло лишь надеялся, что огнесмесь, которую сумел достать Маллет, чтобы заправить резервуар хотя бы наполовину, действительно будет гореть.

Мальчишки по всей планете были одинаковы, и Шуи с Эйлли не являлись исключением. Аугметика не делалась рабочим очень давно, и мальчишки, работавшие в галереях, не отличались от тех, что жили в улье или на «ничейной земле» - в районах между агрогалереями и ульем. Вражеские солдаты иногда охотились на них ради развлечения, но даже будучи легкой добычей, они были шумными надоедливыми

маленькими засранцами, и по большей части их не трогали.

Маллет предпочел обойти зигзагом по краю улья, чем лишнее время ждать поблизости от галерей. Он не доверял открытым пространствам или ровным рядам туннелей, тянувшихся на большие расстояния. Ему не нравился слишком упорядоченный вид этого места. Куда спокойнее он чувствовал себя в улье, где невозможно разглядеть что-то дальше следующего угла или перекрестка, и где никто не заметил бы его с любого расстояния, особенно эти проклятые глифы. Он пробирался по аллеям и переулкам, по дворам зданий с разбитыми окнами, и по бесконечным крытым переходам. Чем выше – тем хуже.

Тайник был спрятан в старом бункере для сушки хмеля на ничейной земле, в одном из полудюжины втиснутых на клочок земли, слишком маленький для них. Окружающие здания, не больше четырех этажей в высоту, стояли вплотную друг к другу. Казалось, они выпирают наружу, отбрасывая густые тени на окружающие их мануфакториумы, в которых когда-то располагались пивоварни и бродильные чаны, а теперь гнили мясистые фиолетовые стручки и корни, служившие продовольствием противнику. Узкие темные круглые здания с островерхими крышами и вентиляционными колпаками над трубами оказались абсолютно бесполезны для оккупационных войск Великого Врага. Оккупанты пытались хранить в них продукты – с прискорбным результатом. В сухом теплом воздухе, хорошо подходившем для хмеля, их растения сгнивали, едва их успевали туда поместить, и получившаяся пенная черная жижа никуда не могла быть использована. Гнилое месиво так и было брошено вместе со зданиями.

Логир вошел в сушильню в южном углу площадки. Он мог ходить здесь свободно, его аугметика служила пропуском практически во все сельскохозяйственные районы. Он легко мог заметить подпольщиков из улья, но они его не узнают, а вражеские патрули здесь редки. Глифы в основном парили дальше отсюда, над галереями – слишком далеко, чтобы патрули экскубиторов действовали эффективно. Местное население не интересовалось сельскохозяйственными культурами оккупантов и только те, кто непосредственно работал с этими зловонными растениями, могли оказаться поблизости от их зарослей. Для присмотра за рабочими здесь хватало охранников, но за три года оккупации они обленились и расслабились, а из-за беспрепятственного доступа к продовольствию стали толстыми и медлительными.

В сушильне было тепло и сухо, и больше ничем не пахло. Гнилые стручки быстро превратились в жижу, которая потом затвердела, образовав на полу гладкую черную поверхность толщиной около тридцати сантиметров. Остались отметки на стенах на высоте метра от пола – там, где был когда-то сложен урожай стручков, но за исключением этого не было никаких признаков того, что сушильню использовали для чего-то еще.

Большую часть этих трех лет ни свои, ни чужие не приближались к заброшенным сушильням, и они стали удобным перевалочным пунктом для товаров, провозимых через ничейную землю, и подходящим местом для связи между подпольными ячейками улья и агрогалерей.

Логир надел на свои аугметические ноги прорезиненные бахилы, чтобы меньше скользить на гладкой стеклоподобной поверхности, и пошел проверить оружие из тайника, разложенное на носилках и в импровизированных контейнерах в другом конце помещения, рядом с большой ручной тележкой. С начала деятельности их ячейки Озия накопил приличный склад оружия, и им было чем поделиться ради правого дела.

Логир вытащил из брезентового чехла лазган и поднял к плечу. Потом достал прицел и прикрепил к лазгану. Секунду он подержал оружие в руках, потом снял прицел и спрятал все обратно. То же самое он проделал с автопистолетом, потом осмотрел огнеметные резервуары, аккуратно поставленные в ряд на штабель носилок. Никакое оружие здесь не было полностью боеготовым, все было разобрано на части,

боеприпасы и огнесмесь хранились отдельно – таковы были инструкции Озии.

Если противник найдет тайник, то не сможет немедленно использовать оружие против местных рабочих, а к тому времени, пока они смогут собрать и зарядить оружие, недалекие умы вражеских солдат, возможно, будут уже отвлечены чем-то другим, более важным.

Однако это оружие не смогут сразу использовать и бойцы сопротивления, поэтому, если противник застанет их здесь, им лучше быть уже вооруженными.

Маллет сидел на корточках, сняв туфли и носки и аккуратно положив их рядом; он всегда разведывал обстановку, и раз взглянув на черный блестящий пол, понял, что не падать на нем возможно только если ходить босиком. Прижавшись спиной к стене сушильни, он наполовину спрятался за штабелем носилок, на которых стояли огнеметные резервуары. Он собирал, проверял и снова разбираал оружие, методично переходя от лазганов к автопистолетам, а потом к огнеметам, проверив сначала маскировку и бурдюки с вонючим пойлом, которое только враг счел бы пригодным для питья.

Когда в единственную дверь в сушильню вошел Бедло, Маллет инстинктивно поднял автопистолет, который только что проверил, и нацелил его на командира. Бедло не видел Маллета несколько секунд, а Маллет никак не обозначил свое присутствие, наслаждаясь ощущением могущества и власти. Бедло понял, что наемник здесь, только когда вошли Шуи и Эйлли, спотыкаясь друг о друга и скользя на гладкой поверхности, на которой не держались подошвы их ботинок. Мальчишки не могли удержаться от смеха, поскользнувшись и проехав несколько метров сидя. Маллет прицелился и выстрелил в стекловидный пол между ними. Это было как будто разбить леденец молотком. Осколки окаменевшего растительного сока брызнули в воздух, сверкая на свету, словно черные бриллианты, и со звоном посыпались обратно на блестящую черную поверхность пола и на одежду и волосы мальчиков.

Шуи упал на пол и скорчился в приступе тошноты – от выстрела гнусное зловоние стручков пробудилось с прежней силой. Эйлли, пытаясь увернуться от осколков, поскользнулся и врезался в штабель носилок, опрокинув несколько пустых резервуаров для огнеметов, и их пришлось собирать снова.

Маллет поднял взгляд на Бедло, единственного человека, стоявшего на ногах, злобно глядя на него, и спросил:

- Что?

Логир видел, как все четверо подпольщиков вошли в сушильню, и задержался еще на секунду или две, на случай если подойдут другие, но вокруг больше никого не было видно. Рабочий уже начал уходить, когда в здании раздался выстрел, но Логир не стал задерживаться, чтобы узнать, что за безумие творится внутри. У ячейки из улья была своеобразная репутация, порожденная списком злоключений, катастроф и безумных поступков, к которым часто добавлялась эффектная отчаянная бесшабашность. Поэтому Озия выбрал их, и поэтому Логир никогда не считал их настоящей угрозой.

Шуи разрывался между смехом над Эйлли, пытавшимся встать на ноги, и тошнотой от вони, исходившей от осколков. Потом он заметил противостояние между Маллетом и Бедло. Подумав секунду, он подмигнул и громко расхохотался, копируя смех аятами Ревере, взявшийся за секунду словно ниоткуда.

Эйлли перестал пытаться встать на ноги, Бедло обернулся в сторону Шуи, а Маллет вернулся к проверке оружия. Заклятье было снято.

- Грузите все на тележку, - приказал Бедло. - Я хочу скорее выбраться отсюда.

Логир смотрел, как тележка катится по узким переулкам трущоб. На нижних уровнях улья всегда существовали трущобы, но после начала войны и оккупации, это место стало более темным, более мрачным и более зловещим. Здесь обитали неполноценные люди, ставшие инвалидами из-за работы в агрогалереях или оккупации, люди, потерявшие конечности, изувеченные, ослепшие, оглохшие, израненные, которым не суждено было получить аугметику, доступную в других мирах Империи. Они влачили свое жалкое существование в этих трущобах, обмениваясь между собой и помогая кому угодно, когда в этом возникала необходимость. Ворам и бродягам было не до благородства, речь шла о выживании, и спустя три года оккупации это значило, что жизнь здесь была коротка - и каждый это знал.

Трущобы подулья были также излюбленным местом развлечения и охоты у вражеских солдат низших рангов, безмозглых скотов, служивших Великому Врагу. Это были злобные, свирепые твари, лишенные чувств и разума, давно поправшие все нравственные нормы. Они были зверски жестокими и ленивыми, и находили удовольствие в самых ужасных и порочных сторонах жизни. Глухих, слепых и безногих калек было легче убивать, чем жителей улья или рабочих с галерей, и никто здесь не считал трупы.

Подулье было местом, где отвратительные, скотоподобные солдаты вражеских войск отдыхали и развлекались, предаваясь своим излюбленным удовольствиям: охотились, пытали, зверски издевались, насиловали, отыгрываясь за все ужасы, которые претерпевали от своих начальников. Местные жители не могли отбиваться и лишь умоляли о быстрой смерти; никто не был настолько наивен, чтобы молить о пощаде.

На Рередос прибыли новые войска в порядке обычной смены, и сменяемые солдаты отрывались в подулье как могли, прежде чем покинуть планету. Это место кишело сотнями врагов, жаждущих еды, выпивки и разнообразных жестоких развлечений - и подпольщики из ячейки улья готовились поучаствовать в этих «развлечениях».

Бедло приказал мальчишкам грузить тележку, пока Маллет проверял оружие. Они бросили все старое оружие, которое принесли с собой, кроме Маллета, который доверял своему старому автопистолету, так долго служившему ему, как никакому другому оружию; но это не помешало ему прихватить снайперский лазган гвардейского образца, просто на всякий случай. Шуи оставил дядин лазган без малейшего промедления, когда увидел, чем можно вооружиться из тайника, и вскоре оба мальчика набрали кучу оружия. Маллету это не понравилось. Он хотел, чтобы с собой несли только то оружие, которым можно тут же воспользоваться - и дополнительные боеприпасы.

Он не был командиром, но когда он так смотрел на командира, обоим мальчикам становилось немного страшно.

Он указал на оружие.

- Положите обратно, - приказал он.

Мальчики посмотрели на Бедло, ожидая от него окончательного решения.

- Выберите по одному хорошему стволу, - сказал он, - остальное никуда не денется.

Шуи выбрал лазерный карабин, а Эйлли лазган, и оба начали набивать карманы боеприпасами. Маллет не хотел брать и огнеметы, так как для них фактически невозможно было достать нормальную огнесмесь, но Бедло просто помешался на этом оружии с тех пор, как разбил свой неисправный лазган, и Маллет не захотел лишний раз спорить с командиром.

Бедло и Маллет легли в тележку. Было слишком рискованно, если бы кто-то заметил, что они несут оружие, поэтому оно было сложено в тележку вместе с двумя подпольщиками, а сверху все это замаскировали бурдюками с вонючей выпивкой, которой участники ячейки в галереях готовили специально для врага. Безоружные мальчики впряглись в тележку и потащили ее со склада через ничейную землю. Оккупанты не тратили глифы на наблюдение за подульем, а если кто-то спросит, то мальчики везут солдатам контрабандную выпивку. Никто не стал бы им мешать: к таким вещам проявляли терпимость. Ожидалось, что солдаты оккупационных войск будут отводить душу в подулье - это делало их более послушными в исполнении тягостных служебных обязанностей - и одним из способов достижения этого было поглощение огромного количества зловонного пойла. Подпольщики войдут в самую гущу пьяных вражеских солдат, там, где враги будут наиболее уязвимы - и перебьют их всех.

Десятки звероподобных вражеских солдат собирались в «Барабане», старом театре в восточном квартале трущоб. Когда-то на его дешевых афишах перечислялись имена восходящих и заходящих театральных звезд, но теперь это было что-то вроде шоу уродов. Любой мог войти на разбитые потрепанные подмостки сцены, а из орущей толпы летели монеты или брань, часто еда, но изредка могли и стрельнуть боевым патроном. Монстр мог подняться на сцену, чтобы ударить или прервать представление, которое ему не понравилось. Двое или трое тварей могли подскочить и разорвать на куски какого-нибудь злосчастного калеку за то, что он не так на них посмотрел. Риск был велик, а выигрыш скуден, но местные все равно приходили попытать удачи. Солдатам на отдыхе обычно не разрешалось носить оружие, потому что в ранний период оккупации это приводило к большому числу смертей среди нижних чинов. В отсутствие врагов они убивали друг друга.

Шуи и Эйлли втащили тележку в кухонные помещения, располагавшиеся в задней части театра, и стали ждать. Улицы кишели вражескими солдатами, их собралось вдвое или даже втрое больше обычного, но в «Барабане» было тихо. Возможно, еще слишком рано для «посетителей».

Бедло посмотрел на Маллета, скрытого под тяжестью «маскировки». Глаза Маллета были лишь в нескольких сантиметрах от его глаз, но Бедло не мог понять их выражения.

- Босс? - позвал Шуи, вглядываясь сквозь бурдюки и брезент, ожидая приказаний от Бедло.

Бедло не ответил, продолжая смотреть в глаза Маллета и пытаясь оценить обстановку, понять, почему здесь так тихо.

- Я пойду посмотрю, - сказал Шуи новичку. - Оставайся на посту.

«Оставайся на посту», подумал Бедло, лежа на животе с лазганом наизготовку. Эйлли безоружен и никогда раньше не делал ничего подобного, а Шуи говорит ему «оставаться на посту».

- Эй! - крикнул Шуи, проскочив в крутящуюся дверь.

И тишина.

Прошло несколько минут. Потом где-то раздался дикий звериный рев.

Шуи вошел в крутящуюся дверь, которая, как он полагал, вела во внутренние помещения театра. Он ожидал, что их остановят по пути в подулье. Он давно не связывался с ячейкой – никто не выживал долго в активно действующей ячейке – но он знал, что никогда и ничего не бывает точно по плану; всегда что-то идет не так. Тележку никто не остановил, и четверо подпольщиков добрались до театра, не привлекая ничьего внимания. *Странно.*

Шуи начал свистеть, пытаясь выровнять дыхание. Он нервничал. Почему он нервничал? Почему здесь так тихо?

Шуи оказался в большом темном помещении с невысоким рядом ступеней слева. Он хотел осмотреть комнату, узнать, откуда войдет противник, насколько хорошо здесь можно спрятаться, и убивать проклятых скотов по одному, или сжечь их из огнемета.

Хорошо, что они пришли рано. Будет время разведать обстановку, подготовиться. Они легко смогут выбраться отсюда целыми и невредимыми...

- Эй! - снова крикнул Шуи.

Он вышел на сцену, подогнув колени, в классической «крадущейся» позе. У него не было оружия. Стоило бы вооружиться, прежде чем заходить в ту дверь...

Глаза Шуи привыкли к освещению, и он обернулся посмотреть в зал. Ему показалось, что он заметил что-то, примерно в десяти метрах в глубине зала. Потом ему показалось, что он что-то услышал – шарканье, хрипящие звуки.

Шуи моргнул, вдруг увидев их – всего в пяти метрах, они шли прямо к нему. Их было не меньше двух десятков. Они не были пьяны и явно пришли сюда не развлекаться. И они не оставили свое оружие в казармах, освободив руки, чтобы бить мужчин, хватать женщин и вцепляться в любую еду, оказавшуюся поблизости.

Это были крупные сильные грязные твари с раздутыми животами и сгорбленными спинами, одетые в запачканную, плохо подобранную форму; многие из них также носили маски. Они были вооружены клинками и дубинками, лазганями и огнеметами. Костлявый экскубитор в середине нес на спине огнемет, из ствола которого, направленного на Шуи, стекали капли прозрачного розоватого прометия, в тяжелом медном воротнике вокруг шеи экскубитора были видны отверстия для разъемов.

Шуи сжался, словно пытаясь стать меньше, сгорбившись и сжав колени, в нос ему ударил резкий запах его собственной мочи.

Существо с огнеметом сплюнуло на пол перед ним комок густой мокроты. Шуи непроизвольно перевел взгляд на нее. Она была фиолетовой, пузырилась и пахла больными легкими, гнилым дыханием и вонючими стручками.

- *Вои ленг атрага*, - произнесло существо и взялось за спусковой крючок огнемета. Монстр, стоявший рядом, толкнул его, показывая, что пока не стоит жечь маленького засранца, и шагнул вперед, снимая с плеча дубинку, похожую на уплощенную булаву.

Шуи видел, как опускается первый удар, словно в замедленной съемке. Он хотел пригнуться, но не смог, потому что удар был нацелен не в голову, а на высоте его пояса. Если бы он еще мог соображать, то отпрыгнул бы назад, но все его способности к соображению уже покидали его тело вместе с содержимым кишечника, и полагаться на них было безнадежно.

Первый удар с глухим *буф!* выбил воздух из его легких. Шуи показалось, что он услышал, как сломалась пара ребер. Его глаза выпучились, а ноги словно приросли к полу. Почему он еще не упал?

Вдруг его поразила мысль, что он стоит на сцене «Барабана». Он знал, что здесь происходило. Весь их мир оказался сейчас на такой сцене, и многим не уйти с нее живыми.

В безнадежном отчаянии он смотрел, как вокруг сцены собираются вражеские солдаты. Что бы Шуи ни сделал, теперь он труп. Он попытался сжать губы и свистнуть, но звука не было. Он пытался танцевать, но ноги не слушались. Расширившимися глазами он увидел нацеленный на него лазган. Прицел немного опустился и сверкнул выстрел.

Колено Шуи подогнулось, и схватившись за ногу, он упал.

- *Ут дрех!* - сказал один из солдат.

Шуи уперся руками в пол сцены, пытаясь подняться, но левая рука попала в лужу крови и соскользнула.

- Чт-то... магир? - выдохнул Шуи.

- Вставай, - повторил солдат.

Едва Шуи смог встать на здоровую ногу, как ему прострелили и ее.

Когда солдаты поднялись к нему на сцену, он прожил недолго. Никто на Рередосе за эти три года не умирал достойно, но немногие погибали с меньшим достоинством, чем Шуи на той сцене.

Наконец растерзанное тело Шуи было сброшено со сцены, и солдаты стали кричать и улюлюкать. Их аппетит разгорелся, они хотели еще - и сейчас же.

Они начали топтать ногами и свистеть, среди кровожадных тварей вспыхнули одна или две драки.

Эйлли стоял рядом с тележкой, совершенно не зная, что делать дальше. Когда поднялся крик, его лицо побелело, глаза расширились. Последнее, что он слышал - как Шуи крикнул «*Эй!*», выбежав из кухни, но это было несколько минут назад, а эти крики были дикими, злобными и пугающими. Мальчик раньше не слышал ничего подобного. Он все еще стоял, объятый страхом, когда Маллет протянул ему оружие.

Командир ячейки нес на спине огнемёт, а в руках длинноствольный лазган, и, казалось, успел спрятать несколько гранат в карманы куртки. Маллет вооружился своим верным автоганом, а на его плече висел еще один длинноствольный лазган.

- Что... ? - начал Эйлли, на секунду вновь обретая дар речи.

- Они там, - сказал Бедло. - Пора.

- Но... - снова заикнулся мальчик. Он трясся, ему казалось, что ноги не слушаются.

Маллет хлопнул Эйлли по спине с такой силой, что едва не швырнул его вперед, хотя, вероятно, это был

лишь товарищеский, ободряющий жест, и протянул ему лязган.

Бедло подошел к двери на сцену «Барабана» и поднял указательный палец левой руки: приказ. Потом вытянул ладонь перед собой. Маллет встал рядом с Бедло, готовый к бою, как всегда. Эйлли подумал, сможет ли он когда-нибудь так же быть готов.

В следующую секунду они прошли сквозь двери в темноту театра. Бедло включил зажигательное устройство огнемета, и оранжевый свет выхватил из тьмы ряд врагов, выстроившихся прямо перед ними. Они тоже были готовы, и их было множество.

Эйлли услышал странный дребезжащий звук совсем рядом, заставивший его вздрогнуть. Он медленно поднял руку к лицу – руку, которая должна была держать оружие. Он понял, что этот звук – от его лязгана, упавшего на пол. Он выронил оружие. Он уже не владел собой.

Он видел, как странные злые люди смотрят на него, идут к нему, словно сквозь воду, медленно, неторопливо. Он не видел их ртов, скрытых под странными бесстрастными масками, но слышал долгий, протяжный стон, совсем непохожий на слова. Он не услышал треска лязгана Маллета, но видел отблеск выстрелов из него.

«Что происходит? Во имя Императора... Что происходит?»

Маллет первым открыл огонь. Он сражался всю свою жизнь. Он участвовал в стычках и засадах; он воевал на фронте и отступал одним из последних; он сражался на любом расстоянии, мог стрелять из любого оружия, и переходил врукопашную, когда не оставалось иного выбора. Его не пугал бой с таким множеством врагов, без всякой надежды на победу.

Он стрелял из лязгана почти непрерывно, поражая любую цель, попадавшую в прицел. Смерть не пугала его; она даже не вызывала злости. Он убивал восемь лет на законном основании. Он убивал двадцать лет. Он жил, убивая и, если получится, умрет, убивая.

Бедло выстрелил из огнемета и смотрел на открывшееся перед ним зрелище. Это было не то, чего он ожидал.

Все это должно было быть не так. Как же это случилось? Кто предал их? Где Шуи? Почему он не вернулся, чтобы предупредить их? Сколько врагов стоят сейчас здесь перед ними? Остались ли пути к отступлению? Можно ли еще спастись? Скольких он успеет убить, прежде чем все закончится? Как это случилось? Кто виноват?

Спустя три минуты Маллет с изумлением обнаружил, что еще жив и стреляет.

Босс оставил огнемет и стрелял из лязгана в толпу врагов, едва различимых во мраке.

Эйлли не смог сделать ни одного выстрела. Его ноги словно приросли к полу, а руки безвольно повисли. Все происходило очень медленно, и ему казалось, что прошли часы с тех пор, как они вышли из кухни.

Твари как-то смогли отделить мальчика от Бедло и Маллета. Более опытные подпольщики продвигались вправо, подальше от сцены и большей части ответного огня врага.

Бедло не знал, попадает ли он в кого-то, если вообще в кого-то попадает, но знал, что в него еще не попали. Как будто специально стреляли мимо. Бедло и Маллет отошли вправо. Мальчик не двигался.

Враги собрались вокруг Эйлли, почти игнорируя двух остальных подпольщиков. Твари начали смеяться

и тыкать в него. Они были очень близко. Мальчику казалось, что сейчас он перестанет дышать. Они хотели, чтобы он двигался; он хотел двинуться, но не мог.

Кто-то выстрелил в пол. По крайней мере, Эйлли показалось, что стреляли в пол, но потом он почувствовал что-то на своей ноге. Она была мокрой и горячей. Он боялся посмотреть вниз, но не падал. Что они говорили? Почему он не видел, как двигаются их рты, но слышал их странное рычание? Ни на чем невозможно было сосредоточиться.

Потом один из врагов схватил Эйлли, перекинув через плечо, и по ступенькам поднял его на сцену. Поставив мальчика на ноги, он спрыгнул со сцены обратно в толпу своих товарищей.

Эйлли онемел и не мог двигаться. В глазах все расплывалось, и он даже не мог нормально слышать. Но он больше не был испуган. Просто невозможно так долго оставаться настолько испуганным.

Он был готов делать то, что они от него хотели, но не знал, что это. Он не знал, что Шуи плясал и кривлялся для них. Он не знал, что они хотели развлечься, прежде чем убить его. Он уже должен был умереть.

Внезапно прямо перед ним появился квадрат света. Силуэты десятков монстров вырисовывались на фоне открытой двери, за которой был дневной свет. Вдруг все чувства снова вернулись к Эйлли. Он слышал вой и свист толпы, и видел врагов, повернувшихся к вошедшему. Он чувствовал запах крови Шуи, оставшейся на сцене. Он ощущал боль в раненой ноге. Он чувствовал, как мышцы кишечника сжимаются, и рвота подступает к пищеводу – реакция его тела на ситуацию.

Его движения все еще не были сознательными, но реакция тела заставила Эйлли согнуться и извергнуть содержимое своего желудка на сцену. После этого он уже не мог стоять.

Кто-то из врагов, или заскучав, или будучи раздражен, или просто реагируя на внезапное появление, выстрелил в человека, открывшего дверь театра – и не он один. Высокий седой старик упал под градом огня. Он умер мгновенно, от какого-то из семнадцати выстрелов, поразивших его тело, прежде чем он упал.

Эйлли не узнал человека, пришедшего им на помощь. Он видел лишь темный силуэт на фоне дневного света, содрогавшийся от попаданий лазерных выстрелов. Теперь Эйлли осознавал происходящее, даже более чем в тот момент, когда вошел в кухню театра – и это сознание убило его. Мальчик тихо упал на пол сцены, хотя в него больше не стреляли, и не было никаких признаков, что он сейчас умрет. Неважно, что убило его. Не имело значения, был ли это insult или сердечный приступ, разорвался ли какой-то сосуд в его хрупком теле.

Эйлли умер без боя, не сделав ни единого выстрела, и лишь легкое ранение в ногу указывало, что он подвергался опасности. В его смерти не было достоинства. Ни малейшего.

Когда открылась дверь театра, Бедло и Маллет обернулись. На долю секунды Бедло подумал, что кто-то пришел к ним на помощь, может быть, та ячейка, которая дала им оружие. На секунду в нем воскресла надежда. Маллет не почувствовал ничего, а просто продолжал стрелять, радуясь дополнительному освещению, когда к нему привыкли глаза.

Он не удивлялся тому, что противник не стреляет в них. Он знал почему.

Убив вошедшего, враги вернулись к травле Маллета и Бедло. Мальчик разозлил их тем, что умер слишком быстро, ничего не сделав для их развлечения, и они хотели наверстать упущенное. Они хотели этого так сильно, что среди них вспыхнуло несколько ожесточенных драк, и трое солдат погибли от рук своих же товарищей. Бедло и Маллет ранили еще нескольких, но число убитых на счету их обоих начало стремительно расти – врагов освещал дневной свет через открытую дверь, которую никто не позаботился закрыть.

Маллет продолжал стрелять все время, пока никто не стрелял в ответ. Он решил отплатить врагам той же монетой, и начал целиться в их ноги и руки, вместо того, чтобы бить насмерть в голову и грудь.

Твари пытались разделить Маллета и Бедло. Но теперь это не имело значения. Они подошли очень близко. Маллет видел, как один из монстров ударил командира по голове, заставив его пошатнуться. Другой удар пришелся по коленям, и Бедло с трудом устоял. Потом двое солдат начали стрелять в пол под ноги Бедло, и Маллет видел, как голова его командира дергается вверх-вниз. Это выглядело в точности так, будто Бедло танцевал.

Маллет продолжал целиться и стрелять, краем глаза наблюдая за Бедло. Вскоре Маллет увидел, как командир их ячейки оказался на деревянной сцене, избитый и окровавленный. Маллет забросил лазган на плечо и сделал три шага, требовавшихся, чтобы подобрать огнемёт, который Бедло сбросил несколько минут назад.

Он никогда не делал то, что собирался сделать. Но один раз он видел, как это совершил один психопат-гвардеец, который знал, что делает, и чьи действия они все встретили радостными возгласами и аплодисментами. Он не знал, сможет ли он сделать это. Он понимал, что в помещении это означает самоубийство, но все равно он скоро умрет.

Большинство звероподобных уродов смотрели на сцену, наслаждаясь своим жутким маленьким шоу. Маллет взялся за ремень огнемёта и взвесил оружие в руке. Резервуар был неполным, но этого должно было хватить.

Маллет взял автопистолет в правую руку, а в левой начал раскручивать огнемёт. Раскрутив его, наемник повернулся лицом к сцене, и, используя вес резервуара, швырнул оружие в воздух. Целиться из автопистолета не было времени, и Маллет начал стрелять почти сразу после того, как отпустил ремень. Огнемёт полетел почти вертикально вверх и, отскочив от одной из балок, поддерживавших конструкцию здания, рухнул вниз и взорвался прямо над головами врагов, окатив их потоками пламени. Чем выше – тем хуже.

Огнемёт взлетел почти вертикально и упал так же. Маллет оказался прямо под взрывом, его автопистолет был все еще нацелен в направлении резервуара. Маллет погиб первым, но забрал с собой полдюжины врагов. Внимание большинства монстров было отвлечено от несчастного, ковылявшего по сцене.

Те враги, которые еще дрались далеко от сцены, услышали взрыв и заметили, как здание содрогнулось, но они были близко к открытой двери и выскочили из театра, хохоча и улюлюкая, забыв, из-за чего они дрались.

Еще несколько вражеских солдат смогли подняться после взрыва и выбрались из здания, шатаясь, хромя и скуля.

Один из последних выживших оглядывался вокруг минуту или две, ошеломленный взрывом. Наконец он

нашел то, что искал. Склонившись над высоким телом с вздувшимися суставами в плохо подобранной форме и броне, которую носили оккупанты, он поднял труп и посмотрел ему в лицо. Взяв голову мертвеца в руки, он слегка стукнулся лбом о его лоб. После этого выживший солдат посмотрел на человека, все еще ползавшего по сцене. Он прицелился из лазерного пистолета и выстрелил в несчастного семь раз. Шесть попаданий лишь еще больше изувечили Бедло. Когда седьмой выстрел попал в цель, Бедло уже сошел с ума, ожидая, когда же, наконец, придет смерть. Последний выстрел подорвал одну из гранат в его кармане, а потом другую. Взрыв подбросил труп над сценой, заставив тело извиваться в воздухе, правда, слишком поздно, чтобы позабавить солдат.

Пожар горел недолго. Не было ни рабочих, ни средств для ремонта «Барабана». Некоторые из жителей трущоб заработали корку или две, убирая кровь, дерьмо и трупы. Это был хороший день, а на следующий шоу продолжалось, несмотря на обгорелую сцену и новые пятна гари на потолке.

Когда Логир расплатился с уборщиками, он освидетельствовал всех убитых участников ячейки, в том числе старого священника – айтани Ревере, с потрясающей наглостью вошедшего в парадную дверь театра. Архон едва ли будет доволен тем, сколько его солдат погибло в «Барабане», но оно того стоило, чтобы уничтожить ячейку и подорвать моральный дух участников сопротивления по всей планете. Он проявил себя ценным коллаборационистом и сумел одурачить старика.

Озия стоял у входа в переулок на заднем дворе «Барабана», глядя, как Логир расплачивался с жалкими обитателями этого дна, выполнявшими его распоряжения. Он прижался к стене, когда Логир прошел мимо, подбрасывая и ловя что-то на ходу. Озия незаметно последовал за ним. Придется действовать быстро, прежде чем они покинут трущобы подулья.

Спустя две или три минуты Озии выпал шанс. Логир свернул в узкий переулок между нависающими зданиями, немногим больше, чем темный коридор, свет в его конце был виден лишь в нескольких сотнях метров далее.

Прежде чем Логир успел обернуться и увидеть, кто следует за ним, Озия быстро подскочил к нему и, подняв болт-пистолет к затылку предателя, разнес его голову одним выстрелом. Подхватив падающее тело, Озия уложил его под стеной здания. Он предпочитал встречать врага лицом к лицу, но в случае с Логиром решил не рисковать.

Озия давно научился никому не верить, но Логиру он бы поверил. И совершил бы ошибку. Невозможно было знать наверняка, были ли верны ему остальные подпольщики его ячейки, но Озия искренне надеялся, что это так. Эта операция дорого стоила ему в плане оружия, и погибли люди; какими бы ни были безрассудными и ненадежными подпольщики улья, все же погибли бойцы сопротивления.

Озия обыскал карманы Логира, забрав доказательства, собранные предателем с трупов Бедло, Маллета, Шуи, Эйлли и айтани Ревере. Он передаст их айтани Пардью для захоронения.

Айтани Пардью чувствовал мокрую грязь пола под ногами. Эти маленькие комнаты с никогда не высохшими земляными полами служили убежищем для полудюжины верующих, пришедших на его службу. Иногда он задумывался, как такое могло быть.

Они умерли. Они все умерли. Двое мужчин, двое мальчишек и суровый старый айтани – все погибли, и ради чего?

Предполагалось, что они сражаются за одно и то же дело, за сохранение хоть какой-то частицы

Империиума на Рередосе. Сражаются против врага, за людей. Но обнаружилось разногласия. Их жизни оказались таким же расходным материалом, каким они были для врага. Пардью переводил взгляд с одного лица на другое. Он не узнавал никого из прихожан. Он думал о страхе, но уже не мог бояться. Единственным чувством, которое он еще мог испытывать, было чувство обреченности.

Пардью опустил взгляд на молитвенник, который он держал открытым в руках. Ему не нужно было смотреть на слова, они намертво отпечатались в его разуме, но он все равно смотрел на них. Он искал в них утешения, но нашел лишь предчувствие того, что случится неминуемое – и, возможно, в конечном счете, так будет лучше.

Пардью закончил молитву, но продолжал стоять, склонив голову над книгой. И пока он смотрел на слова, на сгиб страниц упала пуговица. Она была выпуклой и богато украшенной гравировкой, с толстой кольцевой стойкой. В кольце стойки он разглядел лишь одно слово: «Молитесь».

Он не поднял взгляд и не был удивлен, когда на страницы книги упала еще одна пуговица. На ней было слово «милость».

Через несколько секунд на книгу упала третья пуговица, а за ней четвертая, пятая и шестая. Комната опустела.

Озия и пять остальных подпольщиков его ячейки оставили молодого айтани наедине с его размышлениями. В первый и последний раз они посетили службу не у своего священника, но и времена были необычные. Это было начало чего-то; начало плана по спасению всей планеты.

Пардью смотрел на пуговицы, рассыпанные на страницах книги перед ним, их стойки блестели золотом в тусклом свете, отбрасывая на страницы яркие пятна и тени; внутри стоек были какие-то слова, другие слова были закрыты куполообразными выпуклостями пуговиц.

Пардью разглядел шесть слов в их золотых кольцах. *«Молитесь святой госпоже о милости ее».*

Он взял двумя пальцами одну пуговицу и увидел, что свет исходит прямо от нее, а не отражается. Посмотрев на выпуклую поверхность пуговицы, он увидел в искусной гравировке и сияющих драгоценных камнях не только вещь потрясающей красоты и ценности, но нечто несравненно более важное. На пуговице была эмблема, герб и печать Госпожи, Блаженной, Святой Саббат.

Она носила эти пуговицы на груди, благословив их своею близостью. Госпожа нашла своих приверженцев на Рередосе, потому что была частью его истории, и теперь она должна олицетворять значимость их мира для Императора. Как может Бог-Император покинуть Свою дочь? Как может Он покинуть их?

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ячейка / _Cell_\(рассказ\)&oldid=17973](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Ячейка / _Cell_(рассказ)&oldid=17973)

Эта страница в последний раз была отредактирована 26 октября 2021 в 16:35.